

*С. В. Шешунова**

**«ЭТО, БРАТЦЫ, ВОЙНА НЕ ВОЕННАЯ...»:
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «КРАСНЫХ»
И «БЕЛЫХ» ПИСАТЕЛЕЙ****

Статья посвящена литературной репрезентации представлений «красных» и «белых» о себе и друг друге. В творчестве писателей, поддержавших ту или иную сторону в Гражданской войне 1918–1922 гг., выявляются образ врага и проблема отношения к нему, а так же литературное воплощение целей противоборствующих сторон. Особое внимание уделяется репрезентации национального образа мира в творчестве писателей «белого» лагеря. Автор приходит к выводу, что «белая» литература, по контрасту с «красной», содержит в себе потенциал национального единения.

Ключевые слова: гражданская война в литературе, образ врага, национальный образ мира.

S. V. Sheshunova

*“THIS WAR, MY FRIENDS, IS NOT A WAR...”: THE CIVIL WAR
IN THE WORKS OF “RED” AND “WHITE” WRITERS*

The article is dedicated to literary representation of the views of “reds” and “whites” on themselves and each other. In the work of writers who supported one side or the other in the Civil War of 1918–1922, is revealed the image of enemy and the problem of attitude to him, as well as the literary embodiment of the goals of the warring parties. Special attention is paid to the representation of the national image of the world in the works of writers of the “white” camp. The author comes to the conclusion that the “white” literature, in contrast with the “red”, contains a potential national unity.

Keywords: Civil War in literature, the image of enemy, the national image of the world.

Слова З. Н. Гиппиус, вынесенные в заглавие этой статьи, открывают ее стихотворение «Божий суд» [3, с. 345] и передают характерное для современников

* Шешунова Светлана Всеволодовна, доктор филологических наук, профессор, Государственный университет «Дубна»; bog15k254@dubna.net.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17–83–01004.

переживание Гражданской войны 1918–1922 гг. как события, принципиально отличного от других вооруженных конфликтов. Гражданская война неизменно входит в историю испытавших ее народов как национальная трагедия. И как всякая подлинная трагедия, она не может не привлекать художников слова. Закономерно, что гражданские войны XVIII–XX вв., потрясавшие христианскую цивилизацию, становились предметом изображения в творчестве многих писателей, включая В. Гюго, О. Бальзака, У. Фолкнера, Э. Хемингуэя. Не стала исключением и Гражданская война в России, оказавшаяся самой масштабной и ожесточенной по своему характеру и самой разрушительной по своим последствиям.

Современникам было очевидно, что, отдаляясь во времени, эта война войдет в сознание соотечественников как нечто легендарное, будоражащее воображение. И. А. Бунин, страстный сторонник белых, писал в «Окаянных днях»: «И всё наше время станет сказкою, легендой...» [5, с. 165]. Ему вторил в «Партизанском гимне» красный командир и комиссар П. С. Парфёнов: «И останутся, как в сказке, / Как манящие огни, / Штурмовые ночи Спасска, / Волочаевские дни» [12, с. 128–129]. «Как торнадо, захлестнет потомков / Дерзкий ветер наших эпопей!» — восклицал в поэме «Через океан» (1930) колчаковский офицер А. И. Несмелов (Митропольский), который видел в судьбе своих товарищей по оружию «тему, милую поэту» [19, с. 280]. И сейчас, сто лет спустя, события Гражданской войны продолжают вызывать к жизни произведения самых разных жанров, от лирики до альтернативной истории. Даже беглый обзор всего корпуса текстов, посвященных этой теме, потребовал бы обширной монографии, поэтому ограничимся далее лишь теми произведениями, которые были созданы современниками событий. Подавляющее большинство поэтов и прозаиков, упомянутых ниже, были непосредственными участниками Гражданской войны либо членами их семей. Созданные ими художественные образы отражают не только историческую реальность, но в первую очередь внутренний мир своих творцов и тем самым открывают читателю душевный облик людей, выбравших ту или иную сторону в этом трагическом противоборстве.

Сопоставлять произведения, созданные «белыми» и «красными», можно по разным параметрам. Отмечалось, в частности, что для советской прозы 1920-х гг., посвященной Гражданской войне, характерны «модернизация повествования, композиционная и стилистическая раскрепощенность, антинормативная экспрессия» [1, с. 115], в то время как проза писателей «белого» лагеря, как правило, более традиционна и тяготеет к реалистическому повествованию XIX в. Однако в данной статье речь пойдет не об особенностях художественной формы, а о литературной репрезентации представлений противоборствующих лагерей о себе и друг друге.

Нетрудно заметить, что Гражданская война 1918–1922 гг. нередко порожидала по разные стороны фронта одни и те же словесные образы. И. С. Шмелёв в заметке «Крестный подвиг» (1924), посвященной молодым белогвардейцам, выразил свое представление о них словами: «...их крученное железо, русское железо! Я вспомнил, как оно закаливалось в сталь» [29, с. 426]. Примечательно, что эта метафора использована писателем русского зарубежья за десять лет

до появления романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (1934), где тот же образ характеризует молодого коммуниста.

Писатели «белого» лагеря нередко уподобляли красных Каину. Образ библейского братоубийцы возникает у самых разных литераторов — от И. А. Бунина [6, с. 97, 126, 154] до безвестного автора, писавшего в 1918 г. под псевдонимом «Странник» [8, с. 252]. Но и певец Красной армии Д. Бедный (Е. А. Придворов), несмотря на свой атеизм, использовал тот же библейский образ — только применительно к белым [7, с. 158]. Неизвестный автор баллады 1920-х гг. «Два брата» («В деревне, в убогой избушке...») также уподобляет Каину воина Белой армии [7, с. 155].

Как показал Е. В. Волков, в целом ряде произведений советской литературы образы белогвардейцев зооморфны — противник отождествляется с гадом, гидрой, вороном, псом [7, с. 155, 159], но преобладает при этом образ волка [7, с. 229]. Волкам уподобляются белые в поэмах «Адмиральский час» Л. Н. Мартынова и «Песнь о великом походе» С. А. Есенина (обе — 1924), в стихотворении В. А. Луговского «Песня о ветре» (1926), в романе Ф. В. Гладкова «Цемент» (1925), где глава о раскаявшихся белых эмигрантах именуется «Беззубые волки», и т. д. [7, с. 173–177]. Добавим, однако, к этим наблюдениям исследователя, что в произведениях о Гражданской войне волкам нередко уподобляются воины не только вражеского стана, но и той стороны, к которой принадлежит автор. Пример тому — стихотворение Ю. Мальцева «Красные волки» (1918):

Обитатели зимних, полных северных равнин,
Мы — таинственный призрак болот,
И быстрее и губительней горных стремнин
Мы свершаем свой волчий налет. <...>

Нас суровым прозвищем «Красных волков»
Одарила людская молва,
И незримые тучи сермяжных полков
Залегли среди зимнего рва.

Прокатился грохочущий выстрел и стих,
Что нам утро с собой принесет?
Чу! Раздался по лесу призывный наш крик,
Красный волк за добычей идет [26, с. 11].

С волками сравнивали себя и белые. В поэме Н. Н. Туровой «Перекон» (1928) лирический герой и его товарищи по оружию уходят от красной погони «с душой травимого волка» [23, с. 34]. А. И. Несмелов писал о своих героях — кадетах, ушедших к белым:

Вырастят мальчишки зубы волчьи,
Волчьей же делается душа [19, с. 276].

Такова, по мысли этого поэта, неизбежная цена участия «в братоубийственной войне» [19, с. 275]. Таким образом, если брать литературу о Гражданской войне в целом, уподобление ее участников волкам не столько

содержит негативную оценку противника, сколько характеризует саму природу этой войны, слишком часто подтверждавшей, что «человек человеку волк».

Справедливо отмечалось, что у «красных» писателей (А. Г. Малышкина, Д. А. Фурманова, А. С. Серафимовича, А. А. Фадеева) приоритетом обладает коллективистское, классовое сознание, поэтому центральное место занимает образ «революционной массы», в то время как у «белых» «в качестве доминанты художественного изображения... была представлена человеческая личность в условиях военной действительности»; тем самым литература белого лагеря следовала «гуманистической традиции, в русле которой на протяжении многовековой истории России создавались лучшие образцы национального искусства» [24, с. 10–11]. Принятие либо отвержение этой гуманистической традиции наглядно проявляется и в изображении врага.

«Красные» агитационные тексты, в том числе надписи на плакатах 1919–1920 гг., резко отличаются от «белых» многочисленными призывами не просто победить, а непременно убить противника: «Смерть Колчаку и прочим приспешникам царя и капитализма», «Врангель еще жив, добей его без пощады», «Уничтожьте черных гадов» и т. п. [28]. Этот словесный ряд подкрепляется изобразительным. Так, на плакате Д. С. Моора «Слава победителю красноармейцу!» (1920) прославляемый победитель в буквальном смысле попирает ногами грудь тел убитых и недобитых «буржуев» — выразительный пример открытого противостояния христианской этике. Закономерно, что данный плакат послужил обложкой одного из номеров журнала «Безбожник у станка», постоянным сотрудником (а в 1923–1928 гг. — и художественным редактором) которого был Д. С. Моор. Подобные призывы к убийству характерны и для поэзии «красного» лагеря. Прежде всего это призывы к уничтожению людей по социальному признаку. В этом отношении типичны строки, опубликованные под псевдонимом «Сандро»:

Вперед на богачей,
Губи, дави их, бей! [26, с. 10]

Однако к смерти приговариваются и «социально близкие» люди, если те поддерживают противников революции. В начале 1919 г. в газете «Красный набат» появилось за подписью «Земляк» стихотворение «Красноармеец», где боец Красной армии отвечает на вопрос «А кого же ты в битве застрелишь? / Кто умрет на холодном штыке?»:

Если бедный стоит за богатых,
Потому что богатый сильнее, —
Я по трупам голодных и нищих
Прoberусь в терема богачей [8, с. 78].

Примечательно, что глагол «губить» и выражение «идти по трупам» имеют в русском языке негативные коннотации. В использовании подобной лексики для характеристики «своей» стороны заключен, на первый взгляд, парадокс. Объяснить его можно либо тем, что авторы подобных сочинений стремились имплицитно дискредитировать власть большевиков (а из контекста видно, что это не так), либо

тем, что данные тексты опираются на иную, не свойственную прежней русской культуре (и потому не успевшую отразиться в языке) систему этических оценок. В этой новой системе духовно-нравственных координат беспощадность занимает то почетное место, которое раньше принадлежало милосердию.

По контрасту, в литературе «белого» лагеря этические оценки традиционные. Милость к врагу подчеркнута, например, в прославляющей Северо-Западную армию Н. Н. Юденича мемуарной повести А. И. Куприна «Купол святого Исаакия Далматского» (1928), где белый генерал внушает подчиненным: «Война не страшна ни мне, ни вам. Ужасно то, что братьям довелось убивать братьев. <...> Пленному первый кусок» [14, с. 77]. Жалостью к погибшим красноармейцам (т. е. воинам вражеской армии) исполнены стихотворение М. И. Цветаевой «Ох, грибок ты мой, грибочек...» (1920) и финал рассказа И. С. Шмелёва «Гунны» (1927).

Отметим, что зооморфные образы врага, которые, как указывалось выше, весьма типичны для «красной» литературы, встречаются (хотя намного реже) и в «белой» — например, в уже упоминавшемся стихотворении З. Н. Гиппиус «Божий Суд»:

Тем зверьем, что зовутся «товарищи»,
Изничтожена наша земля [3, с. 345].

Однако у сторонников «белого» лагеря подобные уподобления вполне могут соседствовать с призывом пощадить и простить противника — как в стихотворении М. И. Цветаевой, созданном в 1919 г. и вошедшем в цикл «Лебединый Стан»:

Красный зверь смирен и связан.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную
Да за удаль несуразную —
Развяжите Стеньку Разина! [27, с. 60]

В поэзии «белых» красные нередко именуются «палачами», в т. ч. «проклятыми палачами» [8, с. 353; 9, с. 31], однако сохраняют человеческую природу, а тем самым и право на человеческое отношение к себе.

Герой повести Л. Зурова «Кадет» (1928) скорбит о своей возлюбленной, расстрелянной большевиками, и продолжает борьбу с ними, но душа его остается при этом свободной от ненависти. Подобное же душевное состояние запечатлено в стихотворении В. А. Смоленского «Над Черным морем, над белым Крымом...»:

Летели русские пули градом,
Убили друга со мною рядом.
И плакал Ангел над мертвым ангелом...
— Мы уходили за море с Врангелем [3, с. 57].

В стихотворении З. Н. Гиппиус «Свеча ненависти» (1918) ненависть к большевикам, на первый взгляд, открыто декларируется, однако по ходу

текста оборачивается принципиальным отказом от мести и желанием простить врагов. Лирический герой стихотворения И. И. Савина (Саволайнена) «Первый бой» (1925) идет в бой против красных, переполненный не чувством вражды и ненависти, но любовью и нежностью:

Он душу мне залил метелью
Победы, молитв и любви... <...>

И чувствуя, нежности сколько
Таили скупые слова,
Я только подумал, я только
Заплакал от мысли: Москва... [21, с. 20–21].

В стихотворении того же автора «Любите врагов своих... Боже...» (1924) лирический герой испытывает смятение от того, что не в силах выполнить названную заповедь Христа; это смятение побуждает его искать (и находить) оправдания отсутствию в его душе любви к красным [21, с. 21–22]. По контрасту, в «красной» литературе право ненавидеть противника не подвергается сомнению: напротив, такая ненависть выступает как ценность — например, в стихотворении А. Прокофьева «Разговор по душам» (1930).

Показателен диалог между офицером Жоржем и коммунисткой Ольгой в повести Б. В. Савинкова «Конь вороной» (1923), опубликованной под псевдонимом Б. Ропшин:

— Значит, можно грабить награбленное?
— А ты не грабишь?
— Значит, можно убивать невинных людей?
— А ты не убиваешь? <...>
— Хорошо. Пусть. Я граблю, убиваю, не верую, предаю. Но я спрашиваю, можно ли это?

Она твердо говорит:
— Можно [20, с. 93].

По мысли автора повести, нравственные законы нарушают обе воюющие стороны, однако белые, в отличие от красных, сознают, что такое нарушение греховно, и признают за собой этот грех, в то время как красные полагают, что «во имя нового мира» позволено всё [20, с. 93].

Изображая белых, советские авторы наделяют их отталкивающей жестокостью; Е. В. Волков отмечает в этом аспекте такие произведения, как «Бронепоезд 14–69» В. В. Иванова (1920), «Разгром» А. А. Фадеева (1927), «Два мира» В. Я. Зазубрина (Зубцова) (1921) и многие другие [7]. В последнем из названных романов белые представлены не только как безжалостные каратели, особо склонные к насилию над женщинами, но и как варвары — в одном из эпизодов пьяные офицеры развлекаются, стреляя в портрет Пушкина и разрубая шкафы с книгами в школьной библиотеке.

И тем не менее образ белогвардейца нередко выступает привлекательным в литературе не только «белого», но и «красного» лагеря. В этом отношении показательным обращением как писателей русского зарубежья, так и советских

литераторов к фигуре адмирала А. В. Колчака, возглавившего и во многом олицетворявшего собой Белое движение. И. А. Бунин завершил заметку «Его вечной памяти» (1921) словами: «Настанет время, когда золотыми письменами, на вечную славу и память, будет начертано Его имя в летописи Русской Земли» [6, с. 98]. А. И. Куприн посвятил Верховному правителю не менее благоговейный, но значительно больший по объему некролог «Кровавые лавры» (1920), который начинается словами:

Лучший сын России погиб страшной, насильственной смертью. Великая душа — твердая, чистая и любящая — испытала, прежде чем расстаться с телом, те крестные муки, о которых даже догадываться не смеет человек, не отмеченный Богом для высшего самоотречения <...>. Будет ли для нас священно то место, где навсегда смежились эти суровые и страдальческие глаза, с их взглядом смертельно раненного орла? [13, с. 202].

При этом ни Куприн, ни Бунин не изображали человека, которого столь высоко ценили, в своем художестве. По контрасту, в советской поэзии 1920-х гг. образ главного противника красных встречается весьма часто. Например, В. В. Маяковский в стихотворении «Екатеринбург — Свердловск» (1928) напоминает, как «орлом клевался верховный Колчак» [18, с. 501]. Сравнение с орлом независимо от намерений поэта несет в себе положительные коннотации, поскольку издавна служило в русском языке и фольклоре для обозначения силы, прозорливости и благородства человека (такое сравнение, как видно выше, использовал и А. И. Куприн). Еще более странные строки возникают в «Песне о ветре» В. А. Луговского (1926). В этом стихотворении, изображающем поражение и казнь Верховного Правителя, вдруг звучит восклицание:

Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка! [15, с. 118].

Само по себе обращение к Ангаре мотивировано сюжетом, поскольку Адмирала расстреливают на берегу этой реки. Но ее именование «Колчаковой дочкой», во-первых, возносит Колчака на совершенно несовместимую с советской идеологией высоту (кто отец реке, тот, уж наверное, отец и народу), а во-вторых, изнутри разрушает атмосферу торжества победителей: вечная стихия воды оказывается в прямом родстве не с ними, а с побежденным.

Н. Н. Асеев написал от лица Адмирала целую главу в своей поэме о Гражданской войне «Семён Проскаков» (1928). В соответствии с советской версией истории, Колчак в «Семёне Проскакове» — марионетка иностранных сил; но он же и трагический герой, имевший, хоть и не осуществивший, высокое предназначение:

Я,
отраженный
в сибирских ночах
трепетом
тысячей звезд
партизаньих.

Я,
 адмирал Александр Колчак,
 проклятый в песнях,
 забытый в сказаньях.
 Я,
 погубивший мечту свою,
 спутавший ветры
 в звездном посеве,
 плыть захотевший
 на юг
 и на юг
 и отнесенный
 далеко
 на север. <...>
 Я,
 изменивший стихии родной,
 вышедший биться
 на сухопутье,
 пущен
 болотам сибирским
 на дно,
 путами тропок таежных
 опутан <...>.

Против народа
 безмерностью пагуб
 оборотившему
 острие,
 если б мне
 снова,
 сломав свою шпагу,
 в Черное море
 бросить ее! [2, с. 333–335].

Для отрицательного героя — слишком много звезд, ветра и простора, противостоящего сибирским «путам». Даже продиктованное идеологией утверждение, что Колчак шел «против народа», не снижает явно романтический образ.

М. А. Волошин в стихотворении «Матрос» (1919) рисует портрет матроса-большевика, который в дни революции «ставил к стенке, / Топил, устраивал застенки», а в разгар гражданской войны утрюмо бормочет: «Возьмем Париж... весь мир... а после / Передадимся Колчаку» [3, с. 363]. Наскучив сокрушать всё и вся, хаотичная и безмерная народная душа (как ее понимает поэт) ищет себе узды и опоры, символом которой и становится здесь имя Колчака.

Однако даже при наличии подобных симпатий к отдельным представителям вражеской стороны белые изображаются в советской литературе как защитники «старого порядка» и социального неравенства. В соответствии с этим мифом литературные персонажи-белогвардейцы — это, как правило, дворяне. Сословный характер Белой армии подчеркнут, например, в романах «Восемнадцатый год» А. Н. Толстого (1928) и «Тихий Дон» М. А. Шолохова

(1928–1940). В повести А. Г. Малышкина «Падение Даира» (1921), посвященной разгрому войск Врангеля в Крыму, белые не без любования изображаются как цвет дворянства, являя собой «красоту славы и убийств» [17, с. 133].

В литературе «белого» лагеря главным героем также нередко выступает офицер из дворянского сословия, выросший в родительской усадьбе. Таковы, например, герой повести Л. Ф. Зурова «Кадет», многие персонажи романов П. Н. Краснова. Однако подчеркивается и всеобщая, общенациональная природа той же военной силы. И. С. Шмелёв утверждал в своей публицистике: «Самое чуткое, самое живое, духовно-крепко спаянное с Россией, к каким бы ни принадлежало классам, религиям, партиям, если только чувствовало биение сердца Родины, — вливалось в Белую Армию или было духовно с нею» [31, с. 392]. Белогвардейцы, по словам писателя, несли в себе «общее, всенародное» [29, с. 494–495]: «То были — не “помещичьи сынки”, не ”барское отродье” <...> — как лжецы писали: то были сыновья России. Были среди них казаки, и сыновья кушцов, рабочих, мещан, крестьян, дворян, — всего народа» [31, с. 428]. Это обобщение И. С. Шмелёв воплотил и в художественных произведениях. В финале его рассказа «Сила» (1924) солдатом белой армии становится народный богатырь Куды-Прё. Неграмотная няня из тульских крестьян, от лица которой ведется повествование в романе «Няня из Москвы» (1933), также воспринимает Белую армию как свою: «молодчики наши» [30, с. 97], «победы у нас пошли» [30, с. 98], «один Крым у нас остался» [30, с. 104].

По словам И. С. Шмелёва, белые вели борьбу «за право оставаться человеком» [29, с. 494], «за Божественный Образ в человеке» [31, с. 512]. В подобных выражениях описаны побуждения юноши, ушедшего воевать за белых, и в романе И. С. Лукаша «Вьюга» (1936): «...и люди, может быть, еще узнают когда-нибудь о Пашке Маркушине, белогвардейце, как желал он правды и как защищал жизнь со светом ее, как восстал он за человека, за Сына Человеческого, за всю жизнь живую...» [16, с. 203]. Иначе говоря, Белое движение предстает как защита не какого-либо политического устройства или социальной системы, а фундаментальных духовных и нравственных ценностей, без которых невозможна подлинно человеческая жизнь.

В качестве высшей ценности при этом утверждается бытие России. Показателен диалог двух белогвардейцев в стихотворении И. И. Савина «Первый бой»:

Я крикнул товарищу: «Слушай,
Давай за Россию умрем».

В седле подымаясь, как знамя,
Он просто ответил: «Умру» [21, с. 20–21].

В советской поэзии 1910–1930-х гг. слово «Россия» при изображении Гражданской войны встречается крайне редко. Один из примеров такого рода — стихотворение «Спасайте красную Россию», появившееся в 1919 г. под псевдонимом «Пулемет» [8, с. 129]. Как видно, уточняющий эпитет «красная» отсекает страну от ее тысячелетнего дореволюционного прошлого и связывает представление о ней исключительно с конкретной политической силой. По контрасту в литературе противоположного лагеря как важнейшая ценность

постулируется не «белая Россия», а просто «Россия» как целостная историческая данность, без каких-либо политических и социальных делений. В этом отношении показателен диалог двух персонажей романа И. С. Шмелёва «Няня из Москвы». Сатирически изображенный дядя Васи Коврова, задолго до революции перебравшийся в Париж, спрашивает у племянника — белого офицера: «А ты, милый мой, за что с большевиками сражался, за какое управление?» Стал ему говорить, не за управление, а за Россию за нашу. А тот — за какую Россию?» [30, с. 134]. Вася, воплощающий, по замыслу автора, мужское благородство, отвечает: «...за какую Россию воевали! Одна у нас она» [30, с. 135]. В повести Б. В. Савинкова «Конь вороной» подобным же образом высказывается пожилой крестьянин Егоров, который добровольцем пошел к белым: «Я не за бар, — за Рассею» [20, с. 21]. В той же повести поручик Вреде — дворянин, сын убитого большевиками помещика — отвечает на вопрос, белый ли он:

— Да, белый. Я за Россию.

Я улыбаюсь:

— И за усадьбу?

— За усадьбу? Нет... Черт с нею, с усадьбой. Я не горюю: пусть разживаются мужики [20, с. 25].

Анализируя семиотику истории, Б. А. Успенский указал на отражение в названии «Белая армия» древнерусской традиции, согласно которой белый цвет был символом защиты православия [25, с. 413]. Защита православной Церкви от большевиков, которые с первых месяцев своего прихода к власти планомерно оскверняли святыни, убивали священников и монахов, действительно была одной из важнейших задач Белого движения. В «белых» агитационных текстах подчеркивалось тождество Родины (Отечества, Отчизны) и Святой Руси, например: «Великая Родина наша — Святая Русь гибнет» [4, с. 163]. Листовка, призывающая переходить в армию Врангеля, кончалась словами: «Да здравствует Святая Русь, Русь свободная, Русь Великая» [4, с. 357]. В художественной литературе «белого» лагеря защита России и защита христианства также нередко сливаются воедино.

Белогвардейцы! Черные гвозди
В ребра Антихристу! [27, с. 51].

По словам И. А. Бунина, безвестная могила «белого ратника» — это «гроб Христовой России» [6, с. 154, 158]. С. А. Соколов (Кречетов) в стихотворной брошюре «Обманутым братьям. В красные окопы» (1919), приглашая красноармейцев в белую армию, характеризует ее словами:

Там все, кто присягу Руси не нарушил,
Там все, кто не продал антихристу душу... [22, с. 7].

Стихотворение И. И. Савина «Ты кровь их соберешь по капле, мама...» (1925), рисующее расстрел пленных белогвардейцев, завершается строками:

Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое... [21, с. 20].

Тем самым поэт повторяет слова евангельского разбойника, распятого рядом со Христом: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие Твое» (Лк. 23: 42). Благодаря этой интертекстуальной связи белые уподобляются этому «разбойнику благоразумному», а Россия — распятому Христу. В стихотворении того же автора «Оттого высоки наши плечи...» (1923) Белое движение интерпретируется как «крестовый поход» [21, с. 19] и молитвенное служение России, которая уподоблена иконе:

Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу [21, с. 20].

Сторонники красных также отмечают связь Белого движения и концепта «Святая Русь». В «Песне о великом походе» С. А. Есенина изображается «белый стан», где «во всех кабаках окна светятся»:

И все пьют за царя,
За Святую Русь,
В ласках знатных шлюх
Забывая грусть [11, с. 393].

Очевидно, что защитники Святой Руси и само это понятие дискредитируются здесь ближайшим контекстом.

Писатели, поддержавшие белых, подчеркивают, что, выбирая сторону красных, соотечественники теряют свою национальную природу. Соответственно, белые предстают как защитники не только христианской веры, но и национальной идентичности. Так, в рассказе И. С. Шмелёва «Орел» (1926) герой, который ушел от красных, но не решился воевать за белых, оказался тем самым «ни на том, ни на этом свете, ни коммунист, ни русский» [31, с. 235]. Как видно, слова «коммунист» и «русский» выступают здесь как антонимы. В «Куполе святого Исаакия Далматского» А. И. Куприна пленный красноармеец «объясняет, что терпеть до слез нельзя», когда белые поют русские народные песни: «Это тебе не тырнационал...» [14, с. 76]. Укорененность белых в русской исторической традиции подчеркивается такими их номинациями, как «белый ратник» [6, с. 154, 158], «грозной дружины предтечи» [21, с. 20]. Князю Игорю из «Слова о полку Игореве» уподоблен собирательный образ белогвардейца в цикле М. И. Цветаевой «Лебединый Стан» [27, с. 91–94, 97] и в стихотворении «Плач Руси-Ярославны» (1923) А. В. Эйснера [3, с. 475–476].

Национальный образ мира, явленный в «белой» литературе, объединяет христианские мотивы с фольклорными. Показательны в этом отношении строки М. И. Цветаевой:

Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли,
А останетесь вы в песне — белы-лебеди! <...>
И никто из вас, сынки! — не воротится,
А ведёт ваши полки — Богородица! [27, с. 59].

В стихотворении А. И. Несмелова «Понужай», рисующем картину отступления армии Колчака по Транссибирскому пути зимой 1919–1920 гг., возникает

авторский мифологический образ — старик с «косматым взглядом», который то возникает из морозного воздуха, то вновь тает в нем. Предположение «не мороз ли, дедка краснорожий» [19, с. 113] вводит аналогию с персонажем поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Но если некрасовский сказочный дед погружает убитую горем героиню в смертный сон, то несмеловский, наоборот, встряхивает замерзающих людей, заставляет их бороться за жизнь.

— Кто ты, дедка? Мы тебя не знаем,
Ты мелькаешь всюду и везде...
— Прозываюсь, парень, Понужаем,
Пособляю русскому в беде [19, с. 113].

Этот Понужай, ободряющий белые отряды, соединяет облик фольклорного Мороза с опознавательным знаком христианина: «Медный крест сияет на груди» [19, с. 113]. Для сравнения, такой же «медный крест на груди» имеет белый воин в стихотворении В. А. Смоленского «А у нас на Дону...» [3, с. 58].

По определению И. С. Шмелёва, в Гражданской войне друг другу противостояли «горсточка добровольцев» и «всемогущее, на человеческую мерку, Зло, овладевшее Россией» [30, с. 506]. Это неравенство сил писатель подчеркивал в заметках «Вечный завет» (1928) и «Подвиг (Ледяной поход)» (1936), а также в рассказе «Гунны», где красные бойцы предстают как «страшная сила» [31, с. 246], «несметная сила» [31, с. 247] и делятся с обывателями грандиозными планами: «И такое у нас могущество... до всех доберемся!» [31, с. 246]. Мысль об изначальном неравенстве противоборствующих сторон звучит и в «Няне из Москвы», где белый офицер замечает по поводу эгоистичных обывателей: «Нешто можно с таким народом большевиков одолеть! нас горсточка, а таких большие милиены» [30, с. 108]. Безликая, подавляющая своей численностью красная «масса» противостоит «отважной горсти юнкеров» в поэме А. И. Несмелова «Восстание» [19, с. 304–305]. Малочисленность белых подчеркнута и в «Перекопе» Н. Н. Туроверова:

Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль... [23, с. 35]

Жертвенность выбора, сделанного теми, кто пошел в Белую армию, осмысляется как сознательное или бессознательное следование за Христом. Так, И. С. Шмелёв утверждал: «Этот подвиг <...> имеет бессмертный смысл — отсвет Голгофской Жертвы» [31, с. 507]. «О добровольческой Голгофе» вспоминает в парижском кафе и лирический герой Н. Н. Туроверова [23, с. 47]. В романе И. С. Лукаша «Вьюга» (1936) главный герой, гимназист Пашка, во время Гражданской войны советуется с учителем Лебедевым, не уйти ли ему к белым. Тот отвечает, на первый взгляд, без логической связи с вопросом:

— Теперь каждому надо решить, было Воскресение Христово или не было. Для коммунистов не было, и они явно против Воскресшего. <...>
Лебедев посмотрел на Пашку с улыбкой, осветившей его озябшее лицо:
— Я с Ним. Я верю в Его Воскресение. Христос Воскресе, милый мальчик.

— Воистину, — ответил Пашка, и всё неосуществимое и невозможное, что чувствовал он, стало достижимым, возможным, простым от спокойных слов о Воскресении в холодной тишине леса [16, с. 173].

Именно этот разговор предопределяет дальнейший путь героя романа — вскоре Пашка уходит в Белую армию. Для сравнения, рассказ И. И. Савина «Пароль» (1925) манифестирует пасхальное приветствие как важнейшее, бесспорное средство национальной и культурной идентификации. Когда белогвардейцы случайно попадают в расположение вражеского отряда, один из них в ответ на требование произнести условный пароль обращается к красноармейцам со словами «Христос воскрес». Несмотря на жестокие законы войны, этого общерусского «пароля» оказывается достаточно, чтобы готовые к бою противники повернули в разные стороны: «В плен не пойдем. А разойтись по-хорошему ради Воскресения Христова — это я согласен» [21, с. 192]. Таким образом, рассказ отражает пасхальный архетип русской культуры, который был выделен И. А. Есауловым как конституирующее для отечественной словесности явление [10].

Таким образом, если «красная» словесность несет заряд воинствующего деления общества на «своих» и «чужих», причем чужие подлежат уничтожению, то «белая» содержит в себе потенциал национального единения на основе традиционных для русской культуры духовных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейников О. Ю. Советская проза о гражданской войне: лит миф и его альтернатива // Облики русской усабицы. Комментированная антология. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1993. — С. 108–115.
2. Асеев Н. Н. Семен Проскаков // Асеев Н. Н. Собрание сочинений: в 5 т. — М.: Изд-во худ. лит-ры, 1963. — Т. 2. — С. 333–335.
3. Белая лира: Антология поэзии Белого движения. — Смоленск: Русич, 2006. — 208 с.
4. Белое движение: Каталог коллекции листовок (1917–1920). — СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2000. — 504 с.
5. Бунин И. А. Избранное / сост. и вступ. очерк А. Н. Архангельского. — М.: Молодая гвардия, 1991. — 318 с.
6. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — 640 с.
7. Волков Е. В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. — Челябинск: Челябинский Дом печати, 2008. — 392 с.
8. Голдин В. Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. — Кн. 1. — 272 с.
9. Голдин В. Н. Поэзия гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. — Кн. 2. — 228 с.
10. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М.: Кругъ, 2004. — 560 с.
11. Есенин С. А. Песнь о великом походе // Есенин С. А. Собрание сочинений: в 2 т. — М.: Современник, 1990. — Т. 1. — С. 379–393.

12. Красноармейский фольклор / сост. В. М. Сидельников. — М.: Советский писатель, 1938. — 207 с.
13. Куприн А. И. Кровавые лавры // Куприн А. И. Голос оттуда: 1919–1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные портреты. Некрологи. Заметки / сост., вступ. ст., примеч. О. С. Фигурновой. — М.: Согласие, 1999. — С. 202–203.
14. Куприн А. И. Эмигрантские произведения: Купол святого Исаакия Далматского; Извощик Петр. — М.: Раритет, 1992. — 94 с.
15. Луговской В. А. Песня о ветре // Луговской В. А. Собрание сочинений: в 3 т. — М.: Художественная литература, 1988. — Т. 1. — С. 115–118.
16. Лукаш И. С. Вьюга // Лукаш И. С. Сочинения: в 2 кн. — М.: НПК «Интелвак», 2000. — Кн. 2. — С. 13–204.
17. Малышкин А. Г. Избранные произведения: в 2 т. — М.: Художественная литература, 1978. — Т. 1. — 511 с.
18. Маяковский В. В. Екатеринбург — Свердловск // Маяковский В. В. Сочинения: в 2 т. — М.: Правда, 1987. — Т. 1. — С. 500–503.
19. Несмелов А. И. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы / сост. и коммент. Е. В. Витковского и А. В. Ревоненко. — М.: Моск. рабочий, 1990. — 462 с.
20. Ропшин В. (Савинков Б.). Конь вороной. — Л.: Прибой, 1924. — 108 с.
21. Савин И. И. «Всех убиенных помяни, Россия...»: Стихи и проза / предисл., сост., подгот. текста и примеч. Э. В. Каркконена, Д. В. Кузнецова, В. В. Леонидова. — М.: Грифон, 2007. — 424 с.
22. Соколов С. А. Обманутым братьям. В красные окопы. — Б. м., б. г. — 8 с.
23. Туроверов Н. Н. Двадцатый год — прощай, Россия! — М.: Российский Фонд культуры, 1999. — 303 с.
24. Удодов А. Б. Русское Зарубежье о Гражданской войне: взгляд из Белого стана // Облики русской усовицы. Комментированная антология. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1993. — С. 3–11.
25. Успенский Б. А. Избранные труды. 2-е изд. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — Т. 1: Семиотика истории; Семиотика культуры. — 608 с.
26. Фронтальная поэзия в годы гражданской войны. — М.: Советский писатель, 1938. — 215 с.
27. Цветаева М. И. Лебединый стан. Стихотворения 1917–1921 гг. — М.: Берег, 1991. — 111 с.
28. Шешунова С. В. Язык пропаганды 1918–1922 гг. в свете христианской традиции // Теория традиции: христианство и русская словесность. Коллективная монография. — Ижевск: Удмуртский университет, 2009. — С. 258–277.
29. Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5 т. — М.: Русская книга, 1998. — Т. 2: Везд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. — 512 с.
30. Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5 т. — М.: Русская книга, 1998. — Т. 3: Рождество в Москве: Роман. Рассказы. — 352 с.
31. Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5 т. — М.: Русская книга, 1998. — Т. 7: Это было: Рассказы. Публицистика. — М.: Русская книга, 1998. — 592 с.